

Именно так, весь тот переполох и крики, что сотрясали усадьбу ранее, были не чем иным, как слаженно срежиссированным спектаклем, поставленным госпожой Шэнь и её двумя сыновьями.

Причина крылась в одной простой и прагматичной цели: вывести точное место, где господин Шэнь прятал свои личные сбережения, и упредить его попытки тайно спонсировать тех самых сводных братьев и сестер Шэнь Цинцюаня, которые умудрились перехватить помолвки. Ведь ради сохранения лица и продолжения отношений с тремя новыми зятями, господин Шэнь наказал виновных весьма символически, ограничившись лишь тем, что заставил их отдать половину приданого в качестве компенсации Шэнь Цинланю.

Подобный исход, разумеется, никак не мог устроить самого пострадавшего Шэнь Цинланя! Госпожа Шэнь, до мозга костей преданная сыну, и Шэнь Хуайчжи, не мысливший жизни без защиты младшего брата, просто кипели от негодования.

Разве это наказание?

Стоит господину Шэню захотеть, и он тайком снова одарит тех троих, так что всё наказание превратится в фикцию.

И тогда мать и двое сыновей, проведя тайный совет, и выкатили этот грандиозный план. Они намеренно спровоцировали скандал, чтобы выманить у господина Шэня признание о местонахождении его тайника, а затем, не теряя ни минуты, вычистить его до последней монеты. Пусть потом пытается быть щедрым не в меру!

Ночная тьма сгустилась, окутывая столицу тишиной.

В саду Ланьвэй, при свете мерцающих масляных ламп, отбрасывавших длинные дрожащие тени на бумажные перегородки, мать и двое сыновей собрались за одним столом.

Глаза госпожи Шэнь были слегка покрасневшими, она крепко сжимала руку Шэнь Цинланя, её шершавые пальцы нежно гладили сына по тыльной стороне ладони, и в ее голосе, дрожавшем от подступающих слез, полились заветные слова.

— Ланьэр, что касается твоей помолвки, мать знает, как тебе было обидно, и мне самой хотелось бы собственными руками прикончить тех, кто посмел тебя обидеть! Но на кону стоит будущее всей усадьбы Шэнь, и мать, в одиночку, не властна принимать решения, так что тебе пришлось проглотить эту обиду. Однако не волнуйся, мать не даст им жить спокойно. Даже если они и перехватили твои партии, им не суждено будет благополучно выйти замуж, о щедром приданом они могут даже не мечтать. Что касается Цюаньэра... оставим его. Он, как и твой старший брат, слишком самонадеян, они оба тянутся к отцу и бабушке, считая свою мать ни на что не годной. Что ж, с этой минуты я тоже умываю руки, пусть делает что хочет.

Госпожа Шэнь родила пятерых детей, и в молодые годы каждого окружала заботой и строгому

обучению.

Но, увы, не все дети ответили ей взаимной близостью.

Старший сын и пятый гэр унаследовали характер отца: эгоистичные, холодные сердцем, они всецело поддерживали отца и смотрели на мать свысока.

Зато старшая дочь, второй сын и второй гэр были с ней неразлучно близки, их связывала глубокая материнская привязанность.

Печаль заключалась в том, что старшая дочь рано вышла замуж и покинула отчий дом; второй сын оказался безалаберным распутником; а второй гэр, не отличавшийся особой хитростью, к тому же умудрился попасть в череду досадных неудач с помолвками, и его будущее казалось беспросветно мрачным.

Сердце госпожи Шэнь разрывалось от боли и тревоги, и она могла лишь изо всех сил стараться обеспечить детям лучшее.

Шэнь Цинлань, хоть и уступал своим братьям и сестрам в смекалке, вовсе не был глупцом.

Он в свою очередь обнял мать, его глаза тоже покраснели, он шмыгнул носом и, выдавив из себя слабую, но искреннюю улыбку, принялся её утешать.

— Матушка, пятый брат тоже ваш родной сын, я знаю, как вам было тяжело, не стоит так переживать. Я, конечно, не могу простить его, но и до ненависти дело не дошло. В конце концов, во всем виноват наследник Цзиньян и его ветреная натура. Если бы он и вправду меня любил, то даже появился легендарная лиса-искусительница, она бы его не соблазнила. А теперь он вдруг воспылил чувствами к пятому брату и вознамерился взять нас обоих в жены, это просто верх бесстыдства. С таким мужчиной мне только повезло, что пятый брат его у меня увел, я должна лишь радоваться, иначе, поженившись, он бы однажды признался, что запал на моего дядьку, и вот тогда бы я уже рыдал в голосину...

В этих словах, конечно, была толика самоутешения, но Шэнь Цинлань и вправду так считал.

Он лучше останется старой девой, чем свяжет свою жизнь с подобным субъектом.

— Но женихи менялись трижды, и неведомо, что теперь говорят о тебе люди. — с тревогой произнесла Госпожа Шэнь, сжимая его руку.

Шэнь Хуайчжи, не в силах сдержать возмущения, так хлопнул ладонью по столу, что чай в чашках опасно плеснулся через край:

— Люди снаружи тоже хороши, суют нос в чужие дела, целыми днями судачат и лезут не в свое, просто языки у них чешутся неизвестно зачем...

В конце концов, в этой ситуации проигравшим оставался именно Ланьэр!

Но раз уж так вышло, Шэнь Цинланю ничего не оставалось, кроме как изо всех сил изобразить на лице беззаботную улыбку и, стараясь, чтобы голос звучал максимально свободно, произнести:

— Пусть говорят, мне все равно. Наследник Цзиньян и его свита презирают меня за то, что я недостаточно кроток и покорен, да и я их тоже не жалую! Матушка, разве мы не договаривались? Раз я обладаю такой цветущей, подобной цветку внешностью, то через несколько месяцев, когда во дворце начнут отбор, я отправлюсь туда и стану наложницей самого императора. А там рожу маленького принца, и как над матерью принца, кто посмеет надо мной смеяться!

Именно так, нужно просто войти во дворец и стать наложницей.

Это был план, который мать и двое сыновей выработали совместно, как единственную спасительную соломинку.

С текущей репутацией Шэнь Цинлани найти хорошую партию было практически невозможно.

Но войти во дворец и стать наложницей императора – это совсем иное дело.

Репутация Шэнь Цинлани, конечно, была подмочена, но зато он был невероятно красив.

Настолько красив, что это граничило с несправедливостью!

Старый император в последние годы пристрастился к красавицам, в его заднем дворце имелись даже вдовы, так что, хотя Ланьэр и отличался чересчур бойким нравом, с его внешностью у него, должно быть, непременно, или, по крайней мере, возможно, были все шансы пройти отбор.

И хотя нынешний император уже староват, но в этом и кроется их преимущество!

К этому времени высокие ранги во дворце уже прочно заняты, принцы повзрослели и делят власть, а Ланьэр, как новичок, даже если родит сына, не вызовет зависти и не станет мишенью.

Когда через несколько лет старый император отправится к предкам, а новый взойдет на трон и пожелает проявить милосердие, юный младший брат станет идеальным объектом для высочайшей милости.

Тогда, если не совершать глупостей, вторая половина жизни Ланьэра пройдет в полном благополучии.

Шэнь Хуайчжи тоже одобрительно закивал, его глаза загорелись поддержкой.

— Ланьэру войти во дворец и стать наложницей императора действительно неплохо, наложница императора куда более властна, чем законная жена многих обычных чиновников, единственный недостаток в том, что император староват, что, конечно, жестоко обижает моего прекрасного, как цветок, братца.

Шэнь Цинлань тоже тяготел к молодым и красивым мужьям, этот момент его тоже смущал.

Но раз уж ему так не повезло, теперь приходилось довольствоваться тем, что есть.

Шэнь Цинлань, томно вздохнув и уронив голову на плечо брата, протянул:

— Ничего, второй брат, когда придет время делить с ним ложе, я просто закрою глаза и потерплю.

Братья явно питали глубокое, почти физическое отвращение к старому императору.

Госпожа Шэнь лишь молча моргнула, чувствуя, как у нее начинает дергаться глаз.

Неужели я их на голову при рождении уронила? Они что, самого императора смеют критиковать!

— Хватит, кем вы себя двое считаете, коли смеее критиковать самого императора! Ланьэру выпала честь служить его величеству, это его счастье, и чтобы я больше не слышала подобных речей.

Госпожа Шэнь поспешила одернуть их, хватаясь за сердце.

— Поняли, матушка.

Братья послушно закивали, их лица приняли самое невинное выражение.

Они и вправду не были настолько легкомысленны, просто эмоции взяли верх, и языки сами собой заболтали.

Но после таких шуток настроение у всех заметно улучшилось, тяжелая атмосфера рассеялась.

Шэнь Цинлань, по своей природе оптимист и весельчак, тут же с живейшим интересом, потирая ладошки, перешел к другому, куда более насущному вопросу.

— Кстати, матушка, сколько же добра мы в итоге вынесли из папашиного тайника?

Шэнь Хуайчжи тоже вспылал азартом, подаваясь вперед всем телом:

— Матушка, мы же договаривались, Ланьэру семь десятых, вам две, мне одна, вы же не передумаете!

— Хватит, вижу, как ты переживаешь, твоя доля не потеряется.

Госпожа Шэнь пренебрежительно фыркнула, отмахиваясь рукой, словно отгоняя назойливую муху:

— Да что там у вашего папаши могло накопиться? Труслив он как мышь, столько лет служит, а в тайнике всего сто тысяч лянов серебряными билетами да восемь ларцов золота и драгоценностей.

— В эти годы он уже осмеливается повышать на меня голос, я думала, он чего-то добился, а оказалось, жалкие крохи. Бесполезный, даже не идет в сравнение с доходом за эти годы от моих двух лавок, что достались мне в приданное.

На самом деле личные сбережения господина Шэня были немалыми, ведь ему приходилось содержать всю большую семью.

Но госпожа Шэнь происходила из купеческой семьи и была необычайно искусна в торговле, ее приданое было подобно горам золота и морям серебра, так что она естественным образом презирала эти, по ее меркам, скудные сбережения мужа.

Услышав это, Шэнь Цинлань и Шэнь Хуайчжи, не сговариваясь, поспешили польстить матери, их лица расплылись в самых очаровательных улыбках.

— Матушка, вы же самая знаменитая денежная казна среди столичных хозяек, где отцу с вами тягаться? Хоть клоп и мал, да мясом пахнет, лучше уж нам достанется, чем кому-то другому в усадьбе!

— Только вы двое и умеете так сладко льстить, настоящие мастера утешать... Хватит, не льстите матери каждый день, не волнуйтесь, в будущем все мое имущество достанется вам двоим и вашей старшей сестре.

Госпожа Шэнь, довольная такими словами, милостиво кивнула и дала это обещание.

Что касается старшего сына и пятого гэра...

Хотя материнская любовь и бескорыстна, но человеческое сердце соткано из плоти, и на искренность нужно отвечать искренностью.

Эти двое детей с самого детства во всем поддерживали отца и бабушку, никогда не вставали на сторону матери, правы они или нет, и еще считали ее несправедливой.

Раз так, она сейчас и вправду станет предвзятой, и еще более предвзятой, чем сам господин!

Даже если старшая дочь, Ланьэр и второй сын в будущем не добьются успеха, она все равно будет поддерживать именно этих троих детей.

— Матушка, вы самая лучшая...

Шэнь Цинлань и Шэнь Хуайчжи были тронуты до глубины души и, как в детстве, приникли к коленям матери, их плечи касались ее шелковых юбок.

Госпожа Шэнь легонько гладила их по головам, и в ее глазах плескалась безграничная, всепрощающая нежность.

Атмосфера между матерью и двумя сыновьями царила самая теплая и душевная, наполненная запахом сандала и спокойствием.

А что делать, если господин Шэнь обнаружит пропажу своих личных сбережений и в гневе явится с разборками?

Нет улик, значит, нужно насмерть отрицать.

Разве господин, кроме как поругаться, сможет избить до смерти жену и детей?

В конце концов, госпожа Шэнь считала, что уже не молода и в этой жизни нажилась вдоволь; Шэнь Хуайчжи знал, что у него нет таланта к учебе, так что можно и не усердствовать. У него есть материнские деньги, чтобы пить, есть и быть распутником, помощь отца не нужна; Шэнь Цинлань уже подготовился к тому, чтобы войти во дворец и стать наложницей, и ему больше не нужно полагаться на отца, господина Шэня, в поисках партии.

Так что пусть господин злится, сколько хочет. Да плевать!

Настроение у матери и двух сыновей было превосходным, они просто решили пустить все на самотек и наслаждаться бездельем, их внутренняя гармония была непоколебима.

...

Тем временем.

Хань Чжан еще не знал, что его избранный маленький муженек питает грандиозные амбиции войти во дворец и стать любимой наложницей.

Поскольку его сверхспособность, хоть и позволяла управлять цветами, травами и деревьями в качестве инструментов для подслушивания, все же имела свои строгие ограничения.

Только те растения, которые он сам вырастил со стадии семени, могли надолго стать его «глазами и ушами», все остальные дикие растения поддавались контролю лишь временно.

Поэтому он не мог круглосуточно следить за каждым шагом других людей.

Но это ничуть не мешало его плану по поеданию мягкого риса.

Недаром говорится, что высокочлассный охотник часто появляется в облике добычи.

Хань Чжан считал это абсолютной истиной, запечатлев в памяти.

Он уж точно не будет так глуп, как ученый Ло, и не станет так явно есть мягкий рис, чтобы все знали, что он намеренно обманул барышню Сун. Хотя сейчас тот и получил помощь от тестя, но в будущем рано или поздно вызовет подозрения и осторожность.

Он, Хань Чжан, был кристально чистым, образцовым и соблюдающим ритуалы «благородным мужем»!

Тщательно все обдумав, раскладывая по полочкам каждый нюанс.

Хань Чжан подошел к вопросу «поедания мягкого риса» с той же серьезностью, с какой в прошлой жизни запускал корпоративные проекты.

Он потратил несколько дней на тщательное изучение «объекта инвестирования», то есть Шэнь Цинланы: его характер, привычки, личные предпочтения, эстетические вкусы и так далее, заполняя в уме подробные досье.

Затем были разработаны планы А, Б и В для различных сценариев, каждый с подробным алгоритмом действий на случай форс-мажора.

И только после этого, тщательно подготовив почву, он перешел к операции «рыбалка».

<http://bllate.org/book/20159/2089494>